

Пролог

Если бы в тот злополучный день на детской площадке не затеяли ремонт, всё было бы по-другому. Или если бы была зима. Или если бы у меня не было собаки. Или если... В общем, много всяких «если», но случилось как случилось.

У меня уже начались каникулы в школе, а у папы был библиотечный день. Это такой день, когда научным работникам не нужно идти в свой исследовательский институт, а можно работать дома. Поэтому мы с папой собирались поехать в спортивный магазин, чтобы купить мне новый тормоз для роликовых коньков. А то старый совсем стёрся. Но сначала я должен был выгулять собаку.

— Инди, — позвал я, — гулять!

Инди высоко поднял узкую рыжую морду и радостно кинулся к двери, изо всех сил колотя белым кончиком хвоста. Я пристегнул поводок, и мы вышли на улицу. Инди всегда трюсит впритирочку у моей ноги. Ни на шаг не отходит, побаивается. Время от времени я говорю ему:

— Осторожно!

Тогда он тормозит и с большим запасом перешагивает упавшую ветку или запрыгивает на тротуар.

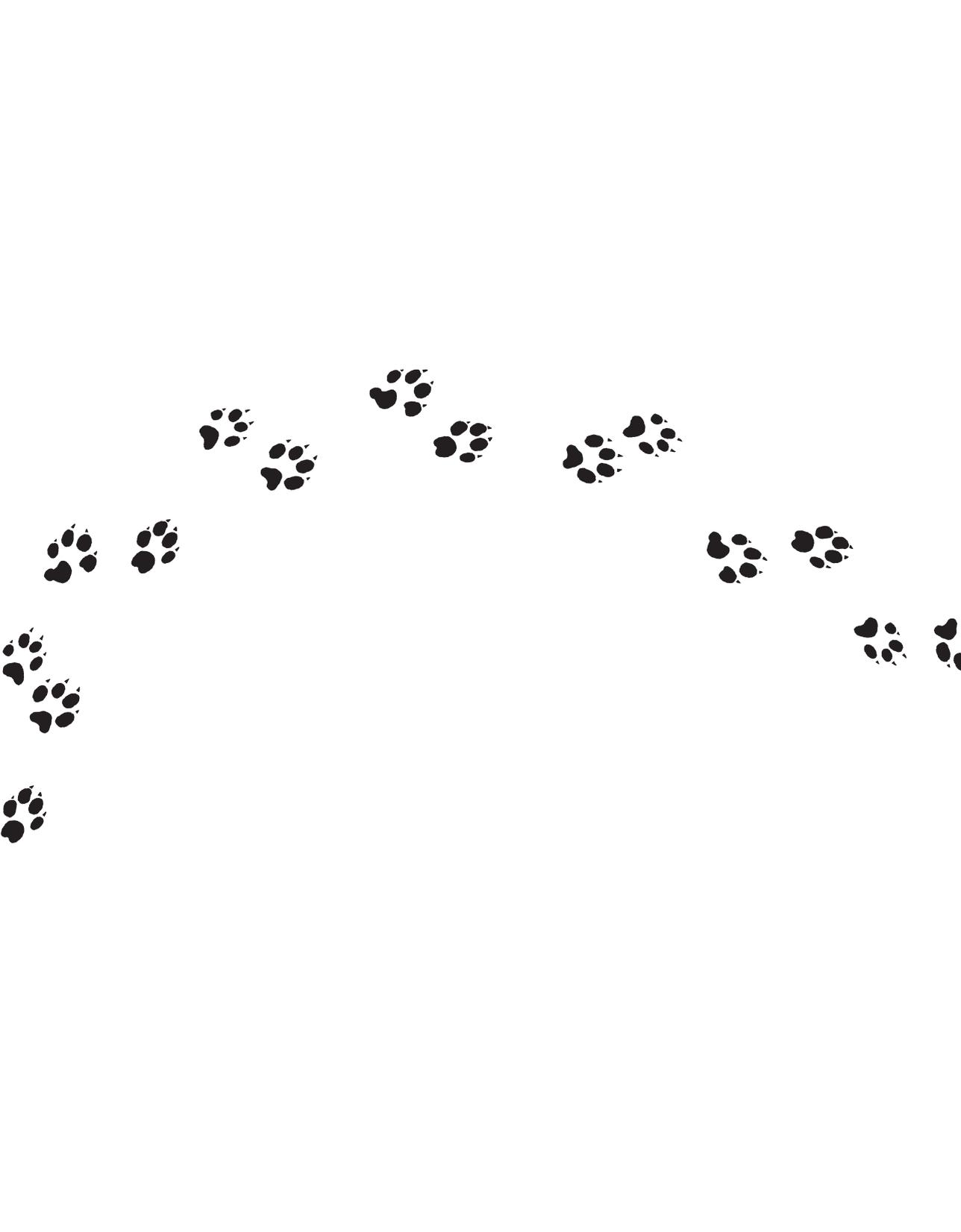
Настроение у меня было преотличное. Тем утром солнце жарило вовсю. Небо без единого облачка казалось просто огромным. Если задрать голову, куда ни повернёшься — увидишь только одно бесконечное сверкающее небо.

В сквере за детской площадкой есть небольшой поросший дикой травой пятачок, там обычно выгуливают собак жильцы окрестных домов. Называем мы его собачьей лужайкой. Там я могу спустить Инди с поводка и дать ему немножко побегать, не опасаясь, что он врежется во что-нибудь или в кого-нибудь.

Но в тот день, только мы пришли, в сквер въехали два грузовика. Рабочие в оранжевых жилетках стали с грохотом разгружать разобранные на части пластиковые горки и карусели. А когда они начали спиливать визжащей болгаркой старые ржавые стояки качелей, Инди заскулил и лёг на пузо.

Пришлось мне вести его к парку, за три квартала и через два перекрёстка. А там — в самый дальний угол, на пустырь, где с собаками гулять не запрещается. На перекрёстке у светофора Инди, как обычно, улёгся на асфальт, отказываясь идти дальше. Я дождался, когда машины остановятся, подхватил его поперёк живота и под шею и понёс через дорогу. Еле дотащил, потому что весит Индюха килограммов двадцать пять, не меньше. Потом ещё тянул его вдоль дороги на поводке почти волоком. Но как только мы добрались до пустыря, он успокоился.

Дело в том, что Инди у нас не совсем обычная собака...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Сквозь щели в высоком, закрытом рольставнями больничном окне пробивается жаркое летнее солнце. Солнечные зайчики разрисовали яркими полосками стены, стол дежурной медсестры с монитором, упали на пол и на кровать. Рядом с кроватью на стульчике сидит старенький дедушка в наброшенном на плечи белом халате. Дедушка лысый, с короткими седыми усами, которые торчат жёстким ёжиком. Он вытирает лоб платком в сине-зелёную клетку и говорит:
— Ну, слушай, Никитушка...

Давняя это история. Мне тогда было поменьше, чем тебе сейчас. Лет семь. Точно. Это было в тридцать восьмом. Отца и мать перевели учителями в судбищенскую семилетнюю школу. Отец преподавал математику, а мать вела начальные классы.

Ты знаешь, что интересно? Говорили, что название нашего села произошло от слова «судьба». Там когда-то был пограничный форпост Московского княжества. В июне тысяча пятьсот пятьдесят пятого года у села Судбищи произошла битва с татарами, которая спасла Москву от их нашествия. Ты уже проходил в школе Ивана Грозного?

Дедушка какое-то время молчит, будто ждёт ответа...

Царь Иван Грозный получил сообщение от сторожевых постов, что на Москву идут полчища крымских татар во главе с ханом Девлет-Гиреем, и направил боярина Шереметева со своим войском остановить хана. Битва была жестокая. Татар — в десять раз больше, чем наших воинов, Шереметев был ранен, но Девлет-Гирей всё-таки испугался и сбежал. Вот тогда на этом месте решилась судьба Русского государства.

Там теперь памятник стоит. Я его видел. В каком году это было? В девяносто пятом? Седьмом? Забыл. Твой папа ещё в школу ходил, это точно помню. Стоят там два каменных воина со щитами, а за ними — кремлёвская стена.

Так вот. С юга наше село защищал большой Медвежий овраг. Весной он превращался в бурную речку, которая несла талые воды в реку Любовшу. Мы с пацанами бросали туда щепки и смотрели, чей корабль утонет, а чей всех обгонит. Летом целыми днями мы барахтались в реке, ловили гольцов, карасей и раков. За рекой был крутой подъём, на вершине которого — лес. Назывался он Наумовский сад. Когда-то это было большое имение помещика Наумова. Это ты запомни, я к нему ещё вернусь.

И знаешь, что однажды случилось? Николай, мой старший брат, принёс домой щенка. У нас до этого никогда не было собаки, только кот. Кот большой, серый, любил прыгать ко мне на плечо и лизать ухо. Зимой он в отцовском валенке спал, а летом — где попало...

Пока дедушка рассказывает, в палату заглядывает медсестра в голубой униформе с шапочкой и тихонько закрывает за собой дверь. На кровати с высокими пластиковыми бортами лежит бледный светловолосый мальчик. Над койкой у изголовья нависает металлическая консоль с капельницей, вокруг трубки, шланги. Рядом на мониторе ползут, светясь, угловатые линии, мигают цифры, что-то монотонно пикает.

** * **

Мальчик этот — я. Я плаваю в полной темноте. Я всё слышу, но не могу шевельнуться, не то чтобы что-то ответить. Слышу порой еле различимые, как из-за толстой стены, встревоженные голоса мамы и папы, и ещё кто-то говорит густым басом незнакомые слова.

Иногда я чувствую, что проваливаюсь, темнота раскручивает меня, как волчок, затягивает глубоко-глубоко. Пространство кажется огромным, а я в нём — совсем крохотным, как песчинка. Со всех сторон на меня летят гладкие сверкающие шары. Я отталкиваю их странно маленькими руками, и шары оказываются неприятно шершавыми и даже колючими.

Потом этот тихий и будто усталый голос тащит меня вверх, я цепляюсь за него, как за ниточку. Шары под руками гаснут, становятся тёплыми и мягкими. Я догадываюсь — это Инди. Глажу его по лохматой голове. Вращение замедляется, и мы вместе куда-то плывём в пустоте...

Инди — не совсем обычная собака. Появился он у нас, можно сказать, неожиданно.

Однажды к родителям пришла какая-то знакомая. По делу. Я подумал, что это Вовка прибежал звать меня играть в футбол, и выскочил в прихожую. Тётя Света — или Таня? не помню уже точно — повесила у входа пальто, поставила у дверей большую клеёчатую сумку на замке-молнии, и они пошли с мамой в комнату решать какие-то вопросы. Я уже собрался уходить к себе, но услышал, как в сумке что-то скребётся. Постоял, послушал — сумка затихла. Что же это там такое? Так и подмывало меня хоть чуть-чуть приоткрыть молнию, но я не решился. Как-то это некрасиво получится. Хоть и мучился любопытством, всё-таки ушёл.

Запустил на приставке игру — и вылетел на первых же минутах, никак не мог выбросить из головы неизвестного монстра в сумке и сосредоточиться. Поэтому, когда мама со своей знакомой вышли из комнаты, я рванул к ним. Тётя Света доставала из кармана пальто какие-то бумаги, а мама стояла рядом. В сумке опять заскреблось и тихонько пискнуло. Я сразу толкнул маму локтем в бок, мол, что это там.

— А что это у тебя в сумке пищит? — удивлённо спросила мама знакомую.

— Да ерунда, — ответила та, — щенок.

— Как щенок? А почему он в сумке сидит?

— Всё нормально, он у меня третий день там сидит, не вырывается. Представляешь, какая засада. Купила дорогого